

Психологические науки

УДК 316.624.2 + 159.99

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ «ГРУППЫ РИСКА» О КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ КАК РЕСУРСЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

М.И. Кошенова

Новосибирский государственный педагогический
университет (Новосибирск, Россия);

Е.А. Краюшкина

Новосибирский государственный педагогический
университет (Новосибирск, Россия)

Аннотация. Статья посвящена осмыслению особенностей представлений о криминальной субкультуре у подростков «группы риска» в сравнении с подростками условной «социальной нормы». Рассматриваются причины экспансии криминальной субкультуры в современную российскую реальность, а также её возможности (на примере АУЕ) в формировании социальной и личностной идентичности подростков «группы риска». Обсуждаются результаты пилотажного исследования представлений о криминальной субкультуре подростков-последователей АУЕ, а также выраженности у них склонности к тем или иным формам девиантного поведения, в том числе делинквентности.

Ключевые слова: криминальная субкультура, АУЕ, подростки «группы риска», поиск идентичности

UDC 316.624.2 + 159.99

REPRESENTATIONS OF TEENAGERS OF «RISK GROUP» ABOUT CRIMINAL SUBCULTURE AS THE IDENTITY RESOURCE

M.I. Koshenova

Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia)

E.A. Krayushkina

Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia)

Abstract: The article is devoted to understanding of features of ideas of criminal subculture at teenagers of «risk group» in comparison with teenagers of conditional «social norm». The reasons of expansion of criminal subculture to modern Russian reality and also its opportunities (on the example of АУЕ) in formation of social and personal identity of teenagers of «risk group» are considered. Results of pilot study of ideas of criminal subculture of teenage followers of АУЕ and also expressiveness of tendency to these or those forms of deviant behaviour, including delinquency at them are discussed.

Keywords: criminal subculture, АУЕ, teenagers of «risk group», search of identity

Проблема интенсивной экспансии криминальной субкультуры в современную социальную реальность достаточно активно изучается российским учеными, в частности социологами, лингвистами, психологами [5; 8; 10; 12; 17; 20; 22; 25; 28]. Исследования последних 10-15 лет показывают, что элементами уголовного жаргона (арго) владеют россияне с разным образовательным цензом и социальным статусом (и школьник, и вузовский профессор, и депутат, и член правительства) [20]; ««зона», с её ценностями и фигурами речи...стала органичной частью

социальной реальности, ...тюремные способы выстраивания социальной иерархии тоже становятся всё более нормативными» [12, с. 64]. Более того, высказывается мнение, что маргинальность молодежных культур криминального типа на общекультурном фоне современной России уже представляется достаточно условной [25] в силу системного общественного кризиса.

Для педагогов, психологов, сотрудников службы опеки и попечительства, учреждений социальной защиты и организаций молодежной политики вполне очевиден рост интереса среди подростков и молодёжи к криминальной субкультуре и «блатной» (тюремной) романтике. Использование жаргона (понятий), обрядов инициации («прописка», тюремные загадки и проч.) и создание обществ со схожей «камерной» организацией («общак»; иерархия, аналогичная тюремной и проч.) – социальные пробы и социальные практики прежде всего подростков, которые входят в «группы риска». В учреждениях закрытого типа (колонии, детские дома, интернаты, кадетские школы), общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях, в сети Интернет на различных платформах («ВКонтакте», «Одноклассники», «YouTube», «Instagram» и др.) создаются сообщества, где транслируются криминальные ценности, формирующие специфические социальные нормы. Следствием воздействия на подростка подобных криминальных норм, как мы полагаем, становится противоправное поведение. Актуализация в обществе темы криминальных субкультур указывает на то, что существующие на настоящий момент стратегии профилактики девиантного поведения в целом, и немногочисленные программы предупреждения распространения ценностей криминальной субкультуры среди подростков в частности, не являются эффективными. В связи с этим существует объективная необходимость

изучения данного явления с целью осуществления превентивных мер и снижения подростковой преступности.

Необходимо отметить ряд исходных позиций, позволяющих подойти к детальному изучению специфики представлений о криминальной субкультуре у подростков «группы риска». Криминальная субкультура – совокупность специфических ценностей, норм и традиций, регламентирующих криминальную деятельность преступных сообществ, способствующих их сплоченности и организованности, осуществлению преступной деятельности и избеганию уголовной ответственности, живучести и преемственности поколений правонарушителей и криминальных групп [19]. В науках о человеке криминальная субкультура рассматривается с позиции конфликта в социуме, способствующего антиобщественной направленности конкретной группы, в которой происходит противопоставление норм криминальной среды общественным нормам.

К социальным причинам формирования криминальной субкультуры относятся следующие группы социальных факторов:

- оказываемое влияние бывших заключенных на социум [11; 21; 26];
- популяризация криминалитета через кинематограф, литературу, музыку и СМИ [23; 26; 30];
- факторы, связанные с социально-экономической и политической ситуацией в стране [26; 29];
- факторы, связанные с аномией ценностей в обществе [16; 29; 30];
- факторы, в которых главенствующая роль в формировании криминальных субкультур отводится культурным процессам, происходящим в обществе [7; 27; 32];
- факторы, связанные с индивидуальными особенностями человека [4; 19; 21].

Мы полагаем, что ни один из перечисленных факторов не может являться единственным определяющим в формировании криминальной субкультуры. Представленные социальные факторы обуславливают друг друга, и их следует рассматривать в совокупности.

В социально-психологической характеристике криминальной субкультуры можно выделить следующие компоненты: наличие жесткой системы «неписанных» социальных ценностей и норм [10]; ориентация на криминальные нормы как определяющие поведение [15]; стратификация [23]; склонность к экспансии в социум [6; 9; 10; 28]. В отечественной криминальной психологии существует большое разнообразие типологий криминальных субкультур. Данные типологии структурированы по параметрам уровня криминализации, организованности, направленности и масштабам деятельности [9; 24]. Понимание содержательной характеристики криминальной субкультуры и факторов её формирования позволяет вплотную подойти к исследованию репрезентации ценностей криминальной субкультуры в сознании подростков «группы риска».

Под термином подростки «группы риска» понимают категорию подростков, которая в силу наличия определенных обстоятельств жизни (врождённых дефектов, личностных особенностей, социальной ситуации) подвержена дезадаптации. Дезадаптация зачастую становится центральной составляющей в формировании склонности к девиантному поведению [2; 3].

Криминальная субкультура позволяет подросткам «группы риска» реализовать функцию социальной идентификации, так как выступает общностью для деклассированных индивидов и людей, оказавшихся в социальной изоляции, удовлетворяя тем самым их потребность в принадлежности к группе [17; 26; 27]. Также криминальная субкультура со своими устоявшимися

нормами, ценностями и жесткой иерархией способна осуществлять регулятивную функцию для подростков «группы риска» в период дезориентации в выборе оснований социальной идентификации [1]. Подростки «группы риска» обладают специфическим восприятием криминальной субкультуры. Данная категория подростков остро нуждается в наличии доступного образца для подражания, однако современное общество с заведомо не работающими «социальными лифтами» предлагает в качестве достижения социально привлекательных целей криминальные образцы и стратегии поведения.

Теоретический анализ литературы показал, что специфика представлений о криминальной субкультуре у подростков «группы риска», а также о возможном влиянии данных представлений на формирование склонности к различным формам девиантного поведения недостаточно изучены и требуют дальнейшего рассмотрения. В связи с этим нами было спланировано и проведено пилотажное исследование.

Гипотезой исследования стало предположение, основанное на двух допущениях:

1) существуют значимые различия в специфике представлений о криминальной субкультуре у подростков «группы риска» и подростков «социальной нормы»;

2) прокриминальный интернет-контент, активно осваиваемый подростком, повышает риски формирования девиантных форм поведения.

Методологию и методы исследования в данном случае необходимо оговорить особо. В силу того, что криминализированные группы всегда достаточно закрыты для исследований, а любые анкетирование и диагностика в условиях официальных учреждений в той или иной мере заставляют подростков включать «эффект фасада» для предотвращения санкций в свой адрес, в качестве эмпирической базы были определены сообщества в

социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники» с АУЕ-тематикой. Очевидно что такой подход не снимает рисков получения необъективных данных, но, во-первых, явный интерес к прокриминальной субкультуре позволяет более предметно отбирать потенциальную группу риска из числа подростков; во-вторых, высокий уровень анонимности, обеспечиваемый Интернетом, позволяет в определенной мере нивелировать «эффект фасада»; в-третьих, даже конструируемая для интернет-ресурса идентичность отражает картину мира «прокриминального интересанта», систему ценностей подростка, активно осваивающего субкультуру АУЕ.

Эмпирическая выборка исследования составила 50 подростков в возрасте 13-15 лет – активных пользователей интернет-ресурсов.

Отбор испытуемых в «группу риска» осуществлялся в два этапа:

1. Первичный отбор подростков 13-15 лет из сообществ в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники» с АУЕ – тематикой. Выбились подростки, в профилях которых присутствовала АУЕ – тематика.

2. В ходе индивидуальной переписки выяснялась принадлежность подростка к субкультуре «АУЕ». В случае утвердительного ответа и готовности принять участие в исследовании подросток включался в экспериментальную группу.

В итоге в «группу риска» вошли 22 мальчика и 3 девочки 13-15 лет.

Контрольная группа подбиралась по тем же критериям возраста, пола и численности для обеспечения требования репрезентативности. Выбились подростки, в профилях которых отсутствовала символика криминальной субкультуры, заявившие о своей готовности принять участие в исследовании.

В соответствии с целью исследования необходимо было выяснить следующее:

1. Позицию подростков «социальной нормы» и подростков «группы риска» по отношению к криминальной субкультуре.

2. Позицию подростков «социальной нормы» и подростков «группы риска» относительно криминальных ценностей.

3. Представление подростков «социальной нормы» и подростков «группы риска» об АУЕ.

4. Наличие склонности к девиантному, в том числе делинквентному, поведению.

В соответствии с этим осуществлялся отбор диагностического инструментария.

Для выявления позиции подростков «социальной нормы» и подростков «группы риска» относительно криминальных ценностей (приемлемо / не приемлемо) нами была использована методика «Незаконченные предложения» (Дж. М. Сакса), модифицированная нами в соответствии с исследовательской проблемой.

Модификация была проведена в соответствии с перечнем предполагаемых отличительных особенностей адептов АУЕ на основании изученной литературы. Данные особенности предполагают специфический набор ценностных ориентаций:

1. Романтизация криминального образа жизни.

2. Ориентация на гедонистический образ жизни.

3. Культ оружия и применения силы как способ решения ситуаций.

4. Наличие среди образцов для подражания бывших заключенных, криминальных лидеров.

5. Ориентация на криминальные нормы как определяющие поведение (нарушение закона как способ добычи материальных благ).

К каждой отличительной особенности мы разработали три незаконченных предложения. Предполагалось, что подростки «группы риска» будут демонстрировать специфический набор ценностных ориентаций, исходя из вышеперечисленных, в то время как у подростков «социальной нормы» данные ценности будут отсутствовать. Перечень незаконченных предложений, выявляющий позицию подростков по отношению к криминальным ценностям:

1. Я считаю, что самое главное в жизни...
2. Необходимые вещи в жизни нужно получать при помощи...
3. Для меня авторитетным человеком является...
4. Конфликты нужно решать с помощью...
5. Для того, чтобы заслужить авторитет, нужно...
6. Мой любимый фильм...
7. Если на желаемую вещь нет денег, то нужно...
8. Мой любимый герой из фильма...
9. Я хочу быть похожим на...
10. Самый лучший способ добычи материальных ценностей...
11. Если человек поступает неправильно, то я буду...
12. Я считаю, что в жизни нужно заниматься только тем, что...
13. Я стремлюсь к...
14. Я считаю героическим поступком...
15. Смелость проявляется в...

Методика позволяет осуществить качественный и количественный анализ.

Кроме того, нами была разработана анкета «Представление о криминальном мире», целью которой являлось определение позиции подростков «социальной нормы» и подростков «группы риска» по отношению к криминальной субкультуре (положительное / отрицательное / нейтральное отношение); выявление представлений

подростков «социальной нормы» и подростков «группы риска» о субкультуре АУЕ.

Анкета состоит из двух ключевых блоков:

I. Блок «Отношение к криминальной субкультуре»

1. По твоему мнению, оказывает ли преступность негативное воздействие на общество?

- а) Да
- б) Нет
- в) Затрудняюсь ответить

2. Как ты относишься к нарушению закона?

- а) Положительно
- б) Отрицательно
- в) Нейтрально

2.1. Аргументируй, почему?

3. Согласен (согласна) ли ты с тем, что нарушать закон нельзя?

- а) Да
- б) Нет

4. Человек, совершивший преступление:

- а) Должен быть наказан
- б) Должен остаться безнаказанным
- в) Не должен нести наказание, если его преступление было вынужденным

II. Блок «Представление об АУЕ».

5. Что тебе известно об АУЕ?

6. Есть ли среди твоих друзей или знакомых активные участники АУЕ?

В качестве объективированного метода исследования склонности подростков к девиантным формам поведения применялся *тест «Склонности к девиантному поведению»* (СДП), разработанный Э.В. Леус и А.Г. Соловьёвым для диагностики подростков [14].

Результаты и их обсуждение.

Методика «Незаконченные предложения» позволила определить позицию принятия или непринятия подростками

«социальной нормы» и подростками «группы риска» криминальных ценностей (табл. 1).

Таблица 1. Оценка достоверности различий (по ϕ^* критерию Фишера) в позициях отношения к криминальным ценностям подростков «социальной нормы» и подростков «группы риска»

№	Критерий	Социальная норма		Группа риска		ϕ	p-level
		Кол-во ответов	%	Кол-во ответов	%		
1	Романтизация криминального образа жизни	1	2,3	42	19,2	4,264	0,01
2	Ориентация на гедонстический образ жизни	26	59	39	17,8	6,23	0,01
3	Культе оружия и применения силы	10	22,7	45	20,5	0,375	Не значимо
4	Наличие среди образцов для подражания заключенных, криминальных лидеров	0	0	35	16	<i>Ограничения критерия</i>	
5	Ориентация на криминальные нормы как определяющие поведение	7	16	58	26,5	1,831	0,05
	Сумма	44		219			

Как следует из таблицы, не взирая на то, что принятие криминальных норм в принципе встречается и у подростков, не интересующихся контентом АУЕ (44), очевидно, что

участники интернет-сообществ, позиционирующих интерес к данной прокриминальной организации, обнаруживают большую ориентированность на принятие криминальных ценностей (219 ответов).

По критерию «Романтизация криминального образа жизни» у подростков группы «социальной нормы» самыми частыми продолжениями предложения «Я считаю героическим поступком...» стали: «спасти жизнь», «помочь кому-нибудь». На вопрос «Смелость проявляется в...» большая часть данной группы ответила: «действиях», «поступках». Подростки «группы риска» склонны демонстрировать романтизацию криминального образа жизни. Так, в предложении: «Мой любимый фильм...» часто встречаются: «Бригада», «Брат», «Бумер», «Воры в законе», присутствуют романтизация и героизация криминального образа жизни, а в предложении: «Смелость проявляется в...» подавляющая часть подростков «группы риска» ответила: «драке», «умении постоять за себя».

По параметру «Ориентация на гедонистический образ жизни» интерес представляют и количественные, и качественные отличия. Так, в целом в 59% ответов подростков «социальной нормы» выражена гедонистическая направленность, в то время как в ответах «группы риска» данный процент составил всего 17,8%, так как предложения данной категории подростков имели продолжение криминальной направленности, вместо ожидаемой гедонистической. Например, предложение «Я стремлюсь к...» подростки условной «социальной нормы» завершали следующим образом: «иметь много денег», «к богатой жизни», «поиграть в приставку», в то время как в вариантах подростков «группы риска» встречаются: «к воровской звезде», «грабить людей», «не быть мусорским» (не работать в интересах полиции).

Особый интерес, на наш взгляд, представляют данные, полученные по критерию «Наличие среди образцов для

подражания заключенных, криминальных лидеров». Вполне закономерно, что у группы «социальной нормы» криминальные образцы отсутствуют, но всегда есть просоциальный образец («мама», «папа», «успешный человек»), тогда как у «группы риска» фиксируются две тенденции: 1) явно криминальная («Для меня авторитетным человеком является... который был несколько ходок», «карманники»; а также перечисляются имена воров в законе, криминальных авторитетов; 2) отсутствие авторитетного человека («нет», «никто»). Отметим, что Р. Мейсон и Дж. Уигли, исследовавшие субкультуру chavs (британских «гопников»), выявили, что большинство из них имеют в своем окружении ранее судимых родственников или друзей [31, с. 178]. Но нам представляется, что референтным криминальным лицом в интернете-пространстве для подростков «группы риска» может стать и собирательный образ «криминального авторитета», особенно в ситуации вакуума реальных референтно значимых лиц.

По критерию «Ориентация на криминальные нормы как определяющие поведение», по сути, рассматривалась допустимость криминальных методов добычи материальных ценностей (различия достоверны). Так, предложение: «Если на желаемую вещь нет денег, то нужно...» подростки «группы риска» завершают следующим образом: «забрать», «своровать», «отобрать», «стать бандитом». На тот же самый вопрос подростки «социальной нормы» чаще отвечают: «заработать», «сократить свои расходы», «попросить маму», «занять». Как можно видеть, подростки «группы риска» описывают агрессивные способы добычи материальных благ, ориентированные на нарушение закона, в то время как в группе подростков «социальной нормы» данная тенденция не наблюдается.

По критерию «Культ оружия и применения силы» достоверно значимых различий не выявлено. И просоциально ориентированные подростки, и сторонники АУЕ в равной

степени рассматривают как приемлемый силовой вариант разрешения конфликтов или самоутверждения, что может рассматриваться как маркер повышенного «градуса агрессивности» в подростковой среде. Но даже при отсутствии статистических различий очевидным является различие в содержательной направленности ответов. Так, у подростков «группы риска» наблюдаются более криминализованные ответы, чем в группе условной «социальной нормы». Например, если предложение: «Для того, чтобы заслужить авторитет, нужно...» подростки контрольной группы завершают высказываниями: «показать силу», «подраться», то в «группе риска» продолжение часто является более криминогенным: «убить пару мусоров», «поставить на место мента», «уметь бить ножом». Мы понимаем, что высказывания подростков – участников интернет-группы АУЕ – это чаще всего лишь бравада, глупая, но дерзкая, и тем не менее, это и отражение «искаженных ценностей», а, как хорошо известно социальным психологам, то, что человек пишет, и тем более произносит в публичном пространстве, часто определяет и его убеждения, и его действия.

Таким образом, по данным методики «Незаконченные предложения» обнаружены очевидные различия в позициях принятия криминальных ценностей у подростков «группы риска» (адепты АУЕ) и социально нормативной группы. Даже с учетом того факта, что респонденты, проявляющие интерес к субкультуре АУЕ, явно склонны подчеркнута демонстрировать свою «криминальную смелость» и «асоциальность», мы можем констатировать, что подростки экспериментальной группы активно «примеряют» роль «укладывальщика арестантских правил» и апробируют криминальную идентичность.

Результаты, полученные по блоку «Отношение к криминальной субкультуре» анкеты «Представление о криминальном мире» представлены в таблице 2.

Таблица 2. Оценка достоверности различий (по ϕ критерию – Фишера) в позициях подростков «группы риска» и подростков «социальной нормы» по отношению к криминальной субкультуре

№	Показатель анкеты	Социальная норма		Группа риска		ϕ	p-level
		Ответов	%	Ответов	%		
1	Положительное отношение к криминальной субкультуре	4	4	79	79	12,636	0,01
2	Нейтральное отношение к криминальной субкультуре	19	19	21	21	0,354	Не значимо
3	Отрицательное отношение к криминальной субкультуре	77	77	0	0	<i>Ограничения критерия</i>	
	Сумма	100		100			

Результаты вполне ожидаемы, но необходимо отметить, что в обеих группах испытуемых представлены как нейтральное отношение к криминальной субкультуре, так и положительное. Мы полагаем, что это свидетельствует не только об особом интересе подростков к «запретному», но и о достаточно распространенном в российском обществе правовом нигилизме, о чем мы писали ранее [13], и достаточной распространенности «романтического флёра» криминального мира.

Выявить причины положительного или отрицательного отношения подростков к криминальной субкультуре позволяет вопрос № 2.1 из первого блока анкеты. Данный вопрос предполагает аргументацию своего ответа,

выявляющего отношение к нарушению закона. Очевидные различия (табл. 2) в данном случае, на наш взгляд, даже не требуют применения вторичной статистики.

Таблица 3. Позиции подростков «группы риска» и подростков «социальной нормы» относительно нарушения закона

№	Показатель анкеты	Социальная норма		Группа риска	
		Ответов	%	Ответов	%
1	Угроза наказания законом	17	77,3	0	0
2	Общественное порицание	3	13,6	0	0
3	Несовершенство судебной системы	2	9,1	0	0
4	Свойственно для всех людей	0	0	13	62
5	Способ заработка	0	0	3	14,2
6	Общество не интересуется	0	0	5	23,8
	Сумма	22		21	

Подростки «социальной нормы» приводят доводы, которые удалось разделить на несколько категорий. Большая часть ответов подростков характеризуется отрицательным отношением к нарушению закона, потому что за это следует уголовное наказание (77,3%), 13,6% ответов подростков показывают, что, нарушая закон, можно столкнуться с общественным порицанием. Процент ответов подростков, приводящих в качестве аргумента несовершенство судебной

системы, которая не всегда бывает справедлива, и поэтому не позволяет сложить четкое отношение к нарушению закона, составил 9,1%. Ответы подростков «группы риска» так же были объединены в категории. Процент ответов подростков, аргументировавших свою позицию высказыванием, что противоправное поведение свойственно для всех людей («все нормальные люди так делают») составил 62%. Процент ответов подростков, которые обозначают, что их не интересует общественное мнение, поэтому отношение к нарушению закона положительное или нейтральное, составляет 23,8%. И именно в этой группе мысль о том, что нарушение закона – это всего лишь способ заработка, представлена в 14,2% ответов подростков.

На наш взгляд, весьма информативными представляются результаты и по вопросу анкеты, позволяющему выявить меру дистантности/контактности подростков двух групп с субкультурой АУЕ (таблица 4).

Таблица 4. Мера дистантности/контактности подростков «группы риска» и подростков «социальной нормы» с субкультурой АУЕ

№	Показатель анкеты	Социальная норма		Группа риска	
		Отв-тов	%	Отв-тов	%
Ответ на вопрос «Что тебе известно об АУЕ?»					
1	Отсутствие представления	15	60	0	0
2	Наличие частичного представления	5	20	0	0
3	Наличие представления	5	20	25	100
Сумма		25		25	

Ответ на вопрос «Есть ли среди твоих друзей или знакомых активные участники АУЕ?»					
4	Есть	9	36	25	100
5	Нет	16	64	0	0
Сумма		25		25	

В «группе риска» совершенно закономерно о данной субкультуре не только знают («все», «многое», «все, что нужно»), но и имеют знакомых или друзей – активных участников АУЕ. Но, как следует из данных, представленных в таблице, 20% ответов подростков условной «социальной нормы» также свидетельствует о наличии частичного представления субкультуре АУЕ: «Что-то слышал», «Есть друзья там», «На заборе что-то такое написано», также в ответах представлена расшифровка аббревиатуры, а кроме того, 36 % ответов имеют в числе своих знакомых (друзей) – активных адептов АУЕ. Мы полагаем, что данные, полученные в пилотажном эксперименте, свидетельствуют о более масштабной распространенности явления под брендом АУЕ, чем это представляют взрослые (родители, учителя, другие специалисты, ответственные за процесс социализации детей и подростков). Взрослым безопаснее думать: «Это не у нас», «Это про кого-то другого», или как сформулировал один из магистратов: «Зачем Вы разрушаете мою картину мира? Я всегда думал, что в нашем городе всё хорошо, АУЕ – это вообще про чужое неблагополучие».

В свете вышеизложенного результаты, полученные по методике «Склонности к девиантному поведению» (СДП), разработанной Э.В. Леус и А.Г. Соловьёвым, вполне закономерны.

С целью выявления достоверных различий был использован статистический критерий U-Манна-Уитни. Результаты применения вторичной статистики представлены в таблице 5.

Таблица 5. Оценка достоверности различий в степени склонности к проявлению различных форм девиантного поведения между подростками «группы риска» и «социальной нормы» по методике «Склонности к девиантному поведению» (СДП)

№	Шкала	Социальная норма	Группа риска	U	p-level
1	Делинквентное поведение	7,4	18,6	0,500	<0,01
2	Зависимое поведение	9,12	16,48	58,500	<0,01
3	Агрессивное поведение	8,88	19,92	2,500	<0,01
4	Самоповреждающее поведение	7,2	8,6	253,000	Не значимо

Примечание: $U_{эмп.} = 227$, при $p < 0,05$, $U_{эмп.} = 192$, при $p < 0,01$

Мы намеренно исключили из анализа показатели, полученные по первой шкале методики, так как содержание шкалы «социально обусловленное поведение» неоднозначно трактуется самими разработчиками, интерпретирующими её и как «шкалу зависимости от мнения значимых других», и как «шкалу лжи», и как показатель «относительно-деструктивного, адаптированного к нормам антисоциальной группы поведения» [14], что, с нашей точки зрения, не есть одно и то же.

Тем не менее остальные шкалы позволяют сделать вполне обоснованные выводы. Статистически достоверные различия, полученные в результате применения вторичной математической статистики, показывают, что подростки – адепты АУЕ отличаются более выраженной склонностью к делинквентному, агрессивному и зависимому поведению.

Это дает нам основание утверждать, что подростки «группы риска» характеризуются:

1) готовностью к нарушению социальных и правовых норм, нанесению ущерба благополучию других людей, ориентированностью на криминальную субкультуру как образец для подражания (шкала «делинквентное поведение»);

2) высокой выраженностью и вербальной, и физической агрессии, прежде всего по отношению к взрослым (родителям, учителям и др.) как форме отстаивания своей самости, самостоятельности; но, наряду с объяснимым процессом взросления, противостоянием взрослым, подростки «группы риска» обнаруживают склонность к вандализму, готовность наблюдать за издевательствами, наносить психические и физические травмы сверстникам и взрослым;

3) достаточно выраженными рисками формирования различных форм зависимого поведения, которое, как известно, всегда связано с возможностью при помощи веществ или фиксации на определенных активностях изменить психическое состояние, получить интенсивные «суррогатные эмоции»; это может свидетельствовать, с одной стороны, о проблемах с эмоциональным развитием (вплоть до алекситимии), а, с другой, – о рисках снижения функции самоконтроля, в первую очередь, в измененном состоянии сознания.

Резюмируя данные, полученные в пилотажном исследовании, отметим, что подростки – потребители интернет-контента АУЕ – получают возможность «примерить новую идентичность» и даже «апробировать» криминальные модели поведения (как минимум, на уровне вербализации).

С учетом того факта, что сайты с АУЕ-тематикой и в настоящее время благополучно функционируют в популярных у подростков социальных сетях (ВКонтакте, Instagram, в незначительной степени – Одноклассники) и видеохостингах (YouTube), возможностей не только для

знакомства, но и для «встраивания» в криминальную субкультуру у подростков «группы риска» (эмоционально холодных или, наоборот, эмоционально уязвимых, не имеющих референтных просоциальных взрослых или сверстников, усвоивших идеи весьма распространенного в России правового нигилизма и не менее распространенной «тюремной романтики») более, чем достаточно. Таким образом, в ситуации поиска идентичности и в неблагоприятных социальных условиях, риски прироста числа адептов криминальной субкультуры резко увеличиваются на любом возрастном этапе, а в подростковом возрасте, традиционно отличающемся протестным и рискованным поведением, они становятся более, чем существенными. В то же время приходится констатировать, что взрослые, профессионально ответственные за процесс социализации детей, подростков и молодежи, а также родители, склонны недооценивать наличие данной проблемы, даже при явных маркерах, свидетельствующих о том, что прокриминальное сообщество подростков формируется и развивается в каком-либо населенном пункте.

Список литературы

1. Александров Р. Ю. Автономность молодежной субкультуры // Научная мысль Кавказа. 2009. № 1. С. 58 – 62.
2. Белобрыкина Е.А., Белобрыкина О.А. Особенности самоотношения делинквентных подростков с разным типом волевой регуляции // Социально-педагогическая и медико-психологическая поддержка развития личности в онтогенезе: сборник материалов Международной научно-практической конференции: в 2-х ч. Ч. 1. Брест: БрГУ им. А. С. Пушкина. 2014. С. 10 – 16.
3. Белобрыкина О.А. Проблема выявления «трудного» ребенка: Объективные критерии и субъективные оценочные

установки // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2018. № 3. С. 17 – 42.

4. *Гогужева М.М.* Психологическая профилактика негативного влияния субкультуры на личность подростка: дис. ... канд. психол. наук: (19.00.07). Ставрополь, 2011. 246 с.

5. *Громов Д.В.* «Пацан» как объект научного исследования // Славянская традиционная культура и современный мир. М.: ГРЦРФ, 2011. С. 364 – 373.

6. *Дебольский М.Г., Чернышкова М.П.* Криминальная субкультура в среде несовершеннолетних, содержащихся в местах лишения свободы, и профилактика ее распространения // Прикладная юридическая психология. 2016. № 2. С. 41 – 47.

7. *Донских Д.Г.* Понятие и соотношение терминов субкультура и контркультура. Криминальная субкультура // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2009. № 2. С. 251 – 253.

8. *Дорогавцева И. С.* Маргинализация традиции в современной России: Я и Другой в сознании криминальной субкультуры // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 2. С. 35 – 44.

9. *Еникеев М.И.* Юридическая психология. СПб.: Питер, 2006. 480 с.

10. *Катин В.И.* Криминальный романтизм как явление культуры в современной России: автореф. дис. ... канд. культурологии: (24.00.01). Саратов, 2007. 20 с.

11. *Кемпель И.В.* Организационный механизм, цели и задачи криминальной субкультуры // Молодой ученый. 2015. № 2. С. 377 – 380.

12. *Кошенова М.И.* Моббинг как маркер системного неблагополучия современного российского общества? // Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное: монография / Под научн.

ред. О.А. Белобрыкиной. Новосибирск: НГПУ, 2017. С. 53 – 69.

13. *Кошенова М.И.* Несовершеннолетние правонарушители: лечить, наказывать или... ищем другие варианты? // Современная социальная реальность: вызовы, риски, перспективы: монография / Под научн. ред. О.А. Белобрыкиной. Новосибирск: НГПУ, 2019. С. 85 – 99.

14. *Леус Э.В., Соловьев А.Г., Сидоров П.И.* Диагностика девиантного поведения несовершеннолетних // Вестник ЧГПУ. 2012. № 9. С. 269 – 277.

15. *Мацкевич И.М.* Криминальная субкультура [Электронный ресурс] // Российское право в Интернете. 2005. № 1. URL: <https://www.twirpx.com/file/742088/> (дата обращения: 05.03.2019).

16. *Мертон Р.* Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории) /Перев. с франц. Е. А.Самарской; ред. перевода М.Н.Грецкий. М.: Прогресс, 1966. С. 299 – 313.

17. *Мухаметгалиева С.Х.* Ценности и нормы криминальной субкультуры несовершеннолетних и молодежи // Молодой ученый. 2014. № 17.1. С. 28 – 29.

18. *Олейник А.Н.* Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: Инфра-М, 2001. 418 с.

19. *Пастушеня А.Н.* Криминальная психология: учебно-методический комплекс. Минск: МИУ, 2007. 176 с.

20. *Пермяков Ю.Е.* Пацанский разговор: лагерная стратегия выживания // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2012. № 1 (11). С. 74 – 82.

21. *Пирожков В.Ф.* Криминальная психология. М.: «Ось-89», 2007. 704 с.

22. *Преснякова Л.* Скромное обаяние криминала против тщетных усилий тюрьмы // Социальная реальность. 2006. № 1. С. 38 – 50.

23. Прикладная юридическая психология / под ред. А.М. Столяренко М.: Юнити-дана, 2001. 473 с.
24. Романова Н.М. Криминальные группы и криминальная субкультура // Психология и право. 2013. № 1. С. 1 – 7.
25. Сотков О.Л. Гопники: делинквентная молодёжь или социокультурный мейнстрим российской провинции? // Кризис: гуманитарные стратегии преодоления. Тюмень: Институт гуманитарных наук ТюмГНГУ, 2009. С. 231 – 234.
26. Старков О.В. Криминальная субкультура: спецкурс. М.: ВолтерсКлувер, 2010. 240 с.
27. Федосеева А.А. Криминальная субкультура как агент социализации молодежи: дис. ... канд. соц. наук: (22.00.06). Майкоп, 2012. 132 с.
28. Ханипов Р.А. Укоренённость тюремных и криминальных практик в культуре современного российского общества // Мир России: социология, этнология. 2008. Т. 17. № 3. С. 132 – 148.
29. Шемякина В.В. Исторический аспект возникновения, становления и развития криминальной субкультуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (145). С. 100 – 103.
30. Шпак С.В. Криминальная субкультура молодежи в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. философ. наук: (09.00.11). Краснодар, 2012. 32 с.
31. Mason R. B., Wigley G. The «Chav» Subculture: Branded Clothing as an Extension of the Self // Journal of Economics and Behavioral Studies. 2013. Vol. 5. № 3. Pp. 173 – 184.
32. Sellin T. Culture conflict and crime // American Journal of Sociology. 1938. Vol. 44. № 1. Pp. 97 – 103.

References

1. *Aleksandrov R.Yu.* Avtonomnost' molodezhnoj subkul'tury // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2009. № 1. Pp. 58 – 62.
2. *Belobrykina E.A., Belobrykina O.A.* Osobennosti samootnosheniya delinkventnyh podrostkov s raznym tipom volevoj regulyacii // Social'no-pedagogicheskaya i mediko-psihologicheskaya podderzhka razvitiya lichnosti v ontogeneze: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2-h ch. Ch. 1. Brest: BrGUim. A.S. Pushkina. 2014. Pp. 10 – 16.
3. *Belobrykina O.A.* Problema vyyavleniya «trudnogo» rebenka: Ob"ektivnye kriterii i sub"ektivnye ocenochnye ustanovki // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2018. № 3. Pp. 17 – 42.
4. *Gogueva M.M.* Psihologicheskaya profilaktika negativnogo vliyaniya subkul'tury na lichnost' podrostka: dis. ... kand. psihol. nauk: (19.00.07). Stavropol', 2011. 246 p.
5. *Gromov D.V.* «Pacan» kak ob"ekt nauchnogo issledovaniya // Slavyanskaya tradicionnaya kul'tura i sovremennyy mir. M.: GRCRF, 2011. Pp. 364 – 373.
6. *Debol'skij M.G., Chernyshkova M.P.* Kriminal'naya subkul'tura v srede nesovershennoletnih, sodержashchihsya v mestah lisheniya svobody, i profilaktika ee rasprostraneniya // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. 2016. № 2. Pp. 41 – 47.
7. *Donskih D.G.* Ponyatie i sootnoshenie terminov subkul'tura i kontr kul'tura. Kriminal'naya subkul'tura // Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskij zhurnal. 2009. № 2. Pp. 251 – 253.
8. *Dorogavceva I.S.* Marginalizaciya tradicii v sovremennoj Rossii: Yai Drugoj v soznanii kriminal'noj subkul'tury // Gumanitarnyy vektor. 2018. T. 13. № 2. Pp. 35 – 44.
9. *Enikeev M.I.* YUridicheskaya psihologiya. SPb.: Piter, 2006. 480 p.
10. *Katin V.I.* Kriminal'nyj romantizm kak yavlenie kul'tury v sovremennoj Rossii: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii: (24.00.01). Saratov, 2007. 20 p.

11. *Kempel' I.V.* Organizacionnyj mekhanizm, celi i zadachi kriminal'noj subkul'tury // *Molodoj uchenyj.* 2015. № 2. Pp. 377 – 380.

12. *Koshenova M.I.* Mobbing kak marker sistemnogo neblagopoluchiya sovremenno go rossijskogo obshchestva? // *Social'no-psihologicheskaya ocenka risiko v sovremennoj real'nosti: ochevidnoe i veroyatnoe: monografiya / Pod nauchn. red. O.A. Belobrykinov.* Novosibirsk: NGPU, 2017. Pp. 53 – 69.

13. *Koshenova M.I.* Nesovershennoletnie pravonarushiteli: lechit', nakazyvat' ili... ishchem drugie varianty? // *Sovremennaya social'naya real'nost': vyzovy, riski, perspektivy: monografiya / Pod nauchn. red. O.A. Belobrykinov.* Novosibirsk: NGPU, 2019. Pp. 85 – 99.

14. *Leus E.V., Solov'ev A.G., Sidorov P.I.* Diagnostika deviantnogo povedeniya nesovershennoletnih // *Vestnik CHGPU.* 2012. № 9. Pp. 269 – 277.

15. *Mackevich I.M.* Kriminal'naya subkul'tura [Elektronnyj resurs] // *Rossijskoe pravo v Internete.* 2005. № 1. URL: <https://www.twirpx.com/file/742088/> (data obrashcheniya: 05.03.2019).

16. *Merton R.* Social'naya struktura i anomiya // *Sociologiya prestupnosti (Sovremennye burzhuaznye teorii) / Perv. s franc. E. A. Samarskoj; red. Perevoda M.N.Greckij. M.: Progress, 1966.* Pp. 299 – 313.

17. *Muhametgalieva S.H.* Cennosti i normy kriminal'noj subkul'tury nesovershennoletnih i molodezhi // *Molodoj uchenyj.* 2014. № 17.1. Pp. 28 – 29.

18. *Olejnijk A.N.* Tjurenaja subkul'tura v Rossii: ot povsednevnoj zhizni do gosudarstvennoj vlasti. M.: Infra-M, 2001. 418 p.

19. *Pastushenja A.N.* Kriminal'naja psihologija: uchebno-metodicheskij kompleks. Minsk: MIU, 2007. 176 p.

20. *Permjakov Ju.E.* Pacanskij razgovor: lagernaja strategija vyzhivanija // *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii.* 2012. № 1 (11). Pp. 74 – 82.

21. *Pirozhkov V.F.* Kriminal'naja psihologija. M.: «Os'-89», 2007. 704 p.
22. *Presnjakova L.* Skromnoe obajanie kriminala protiv tshhetnyh usilij tjur'my // Social'naja real'nost'. 2006. № 1. Pp. 38 – 50.
23. Prikladnaja juridicheskaja psihologija / pod red. A.M. Stoljarenko M.: Juniti-dana, 2001. 473 p.
24. *Romanova N.M.* Kriminal'nye grupy i kriminal'naja subkul'tura // Psihologija i pravo. 2013. № 1. Pp. 1 – 7.
25. *Sotkov O.L.* Gopniki: delinkventnaja molodjozh' ili sociokul'turnyj mejnstrim rossijskoj provincii? // Krizis: gumanitarnye strategii preodolenija. Tjumen': Institut gumanitarnyh nauk TjumGNGU, 2009. Pp. 231 – 234.
26. *Starkov O.V.* Kriminal'naja subkul'tura: speckurs. M.: VoltersKluver, 2010. 240 p.
27. *Fedoseeva A.A.* Kriminal'naja subkul'tura kak agent socializacii molodezhi: dis. ... kand. soc. nauk: (22.00.06). Majkop, 2012. 132 p.
28. *Hanipov R.A.* Ukorenjonost' tjuremnyh i kriminal'nyh praktik v kul'ture sovremennogo rossijskogo obshhestva // Mir Rossii: sociologija, jetnologija. 2008. T. 17. № 3. Pp. 132 – 148.
29. *Shemjakina V.V.* Istoricheskij aspekt voznikovenija, stanovlenija i razvitija kriminal'noj subkul'tury // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 7 (145). Pp. 100 – 103.
30. *Shpak S.V.* Kriminal'naja subkul'tura molodezhi v sovremennom rossijskom obshhestve: avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk: (09.00.11). Krasnodar, 2012. 32 p.
31. *Mason R.B., Wigley G.* The «Chav» Subculture: Branded Clothing as an Extension of the Self // Journal of Economics and Behavioral Studies. 2013. Vol. 5. № 3. Pp. 173 – 184.
32. *Sellin T.* Culture conflict and crime // American Journal of Sociology. 1938. Vol. 44. № 1. Pp. 97 – 103.

Сведения об авторах

Марина Ивановна Кошенова, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной психологии и виктимологии факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет; Россия, Новосибирск, ул. Вилуйская, 28; e-mail: koshenova.m.i@gmail.com

Елизавета Андреевна Краюшкина, студентка 5 курса факультета психологии (специальность: «Педагогика и психология девиантного поведения», специализация «Психолого-педагогическая профилактика девиантного поведения»), Новосибирский государственный педагогический университет; Россия, Новосибирск, ул. Вилуйская, 28; e-mail: krayushkina.ea@gmail.com